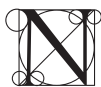

*The
Green
Mile*

**СТИВЕН
КИНГ**
Stephen King
**ЗЕЛЕНАЯ
МИЛЯ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Кинг: книжная полка»

Stephen King
THE GREEN MILE

Перевод с английского В. Вебера и Д. Вебера

Оформление и компьютерный дизайн А. Фerez

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Зеленая миля : [роман] / Стивен Кинг ; [перевод с английского В. Вебера и Д. Вебера]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 368 с. — (Кинг: книжная полка).

ISBN 978-5-17-118362-2

Стивен Кинг приглашает читателей в жуткий мир тюремного блока смертников, откуда уходят, чтобы не вернуться, приоткрывает дверь последнего пристанища тех, кто преступил не только человеческий, но и Божий закон. По эту сторону электрического стула нет более смертоносного местечка! Ничто из того, что вы читали раньше, не сравнится с самым дерзким из ужасных опытов Стивена Кинга — с историей, что начинается на Дороге Смерти и уходит в глубины самых чудовищных тайн человеческой души...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 1996
© Перевод. В. Вебер, 1997
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогой Постоянный Читатель!	9
Часть первая. ДВЕ МЕРТВЫЕ ДЕВОЧКИ	15
Часть вторая. МЫШЬ НА МИЛЕ	65
Часть третья. РУКИ КОФФИ	121
Часть четвертая. СКВЕРНАЯ СМЕРТЬ ЭДУАРДА ДЕЛАКРУА	177
Часть пятая. НОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	233
Часть шестая. КОФФИ НА МИЛЕ	291
Авторское послесловие	365

СТИВЕН КИНГ

ЗЕЛЕНАЯ МИЛЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ—ПИСЬМО

27 ОКТЯБРЯ 1995 Г.

ДОРОГОЙ ПОСТОЯННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Жизнь полна неожиданностей. Предлагаемая Вам история начинается в этой маленькой книжке, а последняя своим появлением на свет обязана случайному замечанию риелтора, которого я лично не имею чести знать. Случилось это год назад на Лонг-Айленде. Ральф Вичинанца, мой давний друг и деловой партнер (он главным образом продает зарубежным издателям права на публикацию моих произведений), арендовал там дом. Риелтор отметил, что «выглядит дом так, словно сошел со страниц романа Чарлза Диккенса».

Ральф запомнил эту фразу и, принимая своего первого в этом доме гостя, английского издателя Малкольма Эдвардса, процитировал ее. Они заговорили о Диккенсе. Эдвардс упомянул, что Диккенс многие свои романы печатал с продолжением то ли в журналах, то ли отдельными брошюрами (под брошюрой здесь понимается книжка в обложке, но меньшей толщины, чем стандартная книга карманного формата, к каковым я всегда питал самые теплые чувства). Некоторые из своих романов, добавил Эдвардс, Диккенс, по существу, писал и переписывал по ходу издания брошюр. Чарлз Диккенс, вероятно, относился к тем писателям, которые не испытывали страха перед заранее оговоренным предельным сроком сдачи рукописи.

Диккенсовские романы с продолжением пользовались огромным успехом. Больше того, один из них послужил причиной тра-

гедии в Балтиморе. Толпа поклонников Диккенса собралась на пристани, ожидая прибытия английского судна с экземплярами последней части романа «Лавка древностей» на борту. Из-за толчеи несколько человек упали в воду и утонули.

Я не думаю, чтобы Малкольм или Ральф хотели, чтобы еще кто-нибудь утонул, но они задались вопросом: а что будет, если в наши дни возобновить публикацию большого романа отдельными брошюрами? Каждый, разумеется, знал, что такое уже имело место (ничто не ново под луной) по крайней мере дважды. Том Вулф опубликовал первый вариант своего романа «Bonfire of the Vanities» («Костры амбиций») в журнале «Роллинг стоун», а Майкл Макдауэлл, автор романов «The Amulet» («Амулет»), «Gilded Needles» («Золоченые иглы»), «The Elementals» («Элементы»), пьесы «Beetlejuice» («Пчелиный сок»), выпустил в брошюрах роман «Blackwater»: триллер о семействе с Юга, в котором считалось хорошим тоном в некоторых ситуациях превращаться в аллигаторов. Не самое удачное произведение Макдауэлла обернулось, однако, большим коммерческим успехом издательства «Эвон».

Мужчины продолжали рассуждать о том, что может произойти, если популярный автор попытается издать свой очередной роман с продолжением, то есть отдельными брошюрами, которые будут продаваться за фунт или два в Британии и, возможно, за три доллара в Америке, где книги в обложке нынче стоят от 6.99 до 7.99 доллара. Малкольм предположил, что в таком эксперименте мог бы поучаствовать Стивен Кинг, после чего разговор переключился на другие темы.

Ральф почти забыл об этой идее, но вернулся к ней осенью 1995 года, после возвращения с Франкфуртской книжной ярмарки, международного торгового шоу, где для продавцов прав на публикацию произведений американских авторов за рубежом каждый день — праздник. Идею о выпуске романа в брошюрах он высказал мне наряду с несколькими другими, которые я сразу же отверг.

А вот публикация с продолжением меня заинтересовала, в то время как я с ходу отшел, к примеру, интервью для японского «Плейбоя» или турне по Прибалтийским странам с оплатой всех

расходов принимающей стороной. Я не считаю себя современным Диккенсом. Если такой человек и существует, то речь может идти о Джоне Ирвинге или Салмане Рушди, но я всегда отдавал предпочтение романам, как бы сложенным из эпизодов. Впервые я столкнулся с таким форматом в субботнем приложении к «Ивнинг пост», и мне он понравился, потому что на финише каждого отрывка читатель становился как бы полноправным партнером писателя: ему отводилась целая неделя, чтобы подумать, в какую сторону повернет сюжет. К тому же читают такие произведения более внимательно, так как каждый отрывок достаточно короток. Подобный роман нельзя «проглотить», даже если этого и хочется (а хорошие романы, изданные отдельной книгой, зачастую именно глотают).

Но самое главное заключалось в том, что в моей семье такие отрывки часто читали вслух: в один вечер мой брат Дэвид, в другой — я, в третий — моя мама, а потом вновь наступал черед Дэвида. То был редкий случай насладиться печатным словом, как мы наслаждались телевизионными сериалами «Плеть», «Бонанца», «Шоссе 66», которые смотрели вместе. Вечернее чтение стало семейным мероприятием. И только много лет спустя я узнал, что в свое время точно так же наслаждались чтением романов Диккенса, только тогда волнения о судьбах Пипа, Оливера, Дэвида Копперфилда затягивались на годы, а не обрывались через пару месяцев (даже в «Пост» роман с продолжением редко печатался больше чем в восьми номерах).

Идея мне понравилась и еще по одной причине, оценить которую в полной мере может, пожалуй, лишь автор детективов и ужасиков: именно в романе, печатающемся с продолжением, автор получает недостижимую в иных случаях власть над читателем. Попросту говоря, уважаемый Постоянный Читатель, Вы не сможете заглянуть в конец и загодя узнать развязку.

Я до сих пор помню, как однажды, когда мне было двенадцать лет, я вошел в гостиную и увидел, что мама, сидя в своем любимом кресле-качалке, читает последние страницы детектива Агаты Кристи, хотя по закладке видно, что прочла она от силы страниц пятьдесят. Я ужаснулся и немедленно заявил ей об этом (двенадцатилетние мальчики зачастую полагают, будто им известно все),

ведь заглядывать в конец детектива — все равно что съесть начинку печенья «Орео», выбросив все остальное. Мама рассмеялась своим чудесным, добродушным смехом, признала мою правоту, но отметила, что иной раз она просто не может устоять перед искушением. Такое объяснение я мог понять и принять: в двенадцатилетнем возрасте искушений более чем достаточно. И вот теперь наконец-то обнаружился превосходный способ преодолеть это искушение. Пока последняя брошюра не появится на прилавках книжных магазинов, никто не сможет узнать, куда приведет «Зеленая миля»... в том числе, возможно, и я.

Хотя Ральф Вичинанца и не подозревал об этом, он завел разговор о романе с продолжением в очень удачный психологический момент. Я давно обдумывал идею романа, сюжет которого строился бы вокруг электрического стула (я знал, что рано или поздно напишу такой роман). «Старая Замыкалка» зачаровала меня после первого увиденного мною фильма с Джеймсом Кэгни*, после первых прочитанных мною рассказов об участии смертников (в книге под названием «Двадцать тысяч лет в Синг-Синге», написанной надзирателем Льюисом Е. Лоуэсом). Это творение человеческого разума вдохновляло темную сторону моего воображения. Каково это, гадал я, пройти последние сорок ярдов к электрическому стулу, зная, что на нем тебя ждет смерть? А что ощущает человек, который должен привязать осужденного к электрическому стулу... повернуть рубильник? Что делает с человеком такая работа? Сводит с ума?

За последние двадцать или тридцать лет я не раз пытался в различных произведениях подойти к ответам на эти вопросы. Я написал одну удачную повесть, действие которой разворачивается в тюрьме («Rita Hayworth and Shawshank Redemption») и пришел к выводу: тема эта очень благодатная, как раз для меня, и высказать мне удалось далеко не все, что хотелось. Особенно меня привлекала возможность предстать перед читателями именно рассказчиком. Вот когда они могли бы услышать истинный голос Стивена Кинга, негромкий, честный, иной раз даже чуть удивленный рассказываемой историей. Короче, я принялся за

* Американский актер театра и кино, известный исполнением ролей гангстеров. — *Здесь и далее примеч. пер.*

работу, еще не зная, куда она меня приведет, бросая ее и вновь начиная. Например, большую половину второй части я написал, застигнутый проливным дождем в Фенуэй-Парке!

Ральф позвонил, когда я уже исписал целый блокнот. Вот тут я и понял, что пишу новый роман, «Зеленую милю», вместо того чтобы очищать стол от черновиков другого романа, уже законченного («Desperation»* — Вы его скоро увидите, Постоянный Читатель). Как раз в этот момент с «Милей» я находился на перепутье: отложить (и, возможно, больше не возвращаться) или отбросить все остальное и писать дальше?

Ральф предложил третий вариант: роман, написанный так, как он и будет читаться, — отдельными эпизодами. Мне понравилось и то напряжение, которое должны принести в работу поставленные условия: сбавь темп, в назначенный срок не положи на стол издателя оговоренное число страниц, и миллион читателей потребуют твоей крови. Никто лучше меня не знает, что это такое, разве что моя секретарша, Джулиан Эгли. Каждую неделю мы получаем десятки раздраженных писем, требующих очередную книгу из цикла о Темной Башне (терпение, поклонники Роланда, еще год — и ваше ожидание будет вознаграждено, обещаю). Один читатель прислал полароидную фотографию плюшевого медведя, закованного в цепи, с посланием из печатных букв, вырезанных из газетных заголовков и обложек журналов: «ОПУБЛИКУЙ СЛЕДУЮЩУЮ «ТЕМНУЮ БАШНЮ», ИЛИ МЕДВЕДЬ УМРЕТ». Я оставил фотографию в кабинете как напоминание о моей ответственности перед читателем, а также о том, сколь близко к сердцу принимают люди создания, вызванные к жизни воображением писателя.

Так или иначе, я решил публиковать «Зеленую милю» отдельными брошюрами, тоненькими книжками в обложке на манер XIX века, в надежде, что Вы напишете мне и скажете: а) понравился ли Вам роман; б) устраивает ли Вас столь редко используемая, но небезынтересная система общения с читателем. Она, несомненно, интенсифицировала процесс написания романа, хотя на текущий момент (дождливый октябрьский вечер 1995 года) еще многое предстоит сделать даже в черновом варианте, а итог

* Первое американское издание вышло в сентябре 1996 г., на русском языке опубликован под названием «Безнадега».

вызывает определенные сомнения. Все это является дополнительным стимулом, хотя... пока я еще не выехал из густого тумана и не вижу конечной цели.

А больше всего мне хочется сказать следующее: если Вы получите от чтения хотя бы половину того удовольствия, которое испытывал я при написании «Зеленой мили», будем считать, что мы оба в выигрыше. Наслаждайтесь. А почему бы Вам не почитать роман вслух подруге или приятелю? Уж во всяком случае, Вы скоротаете время, оставшееся до появления на лотке или в Вашем местном книжном магазине следующей брошюры.

А пока берегите себя и будьте добры к своим близким.

Часть первая

ДВЕ МЕРТВЫЕ ДЕВОЧКИ

ГЛАВА 1

 Случилась эта история в 1932 году, когда тюрьма штата находилась в местечке, известном под названием Холодная Гора, а одной из достопримечательностей тюрьмы являлся электрический стул.

Заключенные постоянно вышучивали стул, как люди зубоскалят над тем, чего боятся, но от чего не могут избавиться. Как его только не называли. И Старая Замыкалка, и Хватунчик. Не остался забытым счет за электричество, выписываемый всякий раз после использования стула по назначению. Высказывались предположения, что именно на нем начальник тюрьмы Мурс в эту осень готовил обед на День благодарения*, поскольку его жена Мелинда болела и не могла встать к плите.

Но у тех, кому действительно предстояло сесть на этот стул, чувство юмора отшибало сразу. Во время службы в этой тюрьме я присутствовал при семидесяти восьми казнях (эту цифру я никогда не перепутаю, буду помнить даже на смертном одре) и думаю, что для большинства этих людей осознание происходящего с ними приходило в тот самый момент, когда их лодыжки привязывали к массивным ножкам Старой Замыкалки. Внезапно они понимали (а это читалось по меняющемуся выражению их глаз), что ноги уже отслужили свое. Кровь еще бежала по венам, мышцы сохраняли силу, но они больше не пригодятся. Ни для того, чтобы прошагать еще одну милю, ни для того, чтобы потанцевать с девушкой. Известие о смерти клиентам Старой Замыкалки по-

* Государственный праздник в память первых колонистов Массачусетса (последний четверг ноября).

ступало от лодыжек. Да, после того как они произносили последнее слово, им на голову надевали черный шелковый мешок-маску, который даже глушил пару-тройку фраз. Вроде бы мешок этот придумали для их блага, но я всегда считал, что пользу он приносит только нам, избавляя от лицезрения ужаса, застывавшего в их глазах, когда им окончательно становилось ясно, что они должны умереть с согнутыми коленями, сидя на Старой Замыкалке.

В тюрьме «Холодная гора» крыло, предназначенное для смертников, отсутствовало. Его заменял блок Е, отстоящий от четырех остальных и по размерам вчетверо меньший, кирпичный, а не деревянный, с некрашеной металлической крышей, сверкающей на солнце, словно глаз дьявола. Состоял блок из шести камер, по три с каждой стороны широкого центрального прохода, каждая в два раза больше камер в обычных блоках. Само собой разумеется, одиночек. Неслыханная роскошь по тюремным меркам (особенно в тридцатые годы), но заключенные блока Е с радостью махнулись бы на любую камеру в другом блоке. Поверьте мне, махнулись бы.

За те годы, что я проработал старшим надзирателем блока, не было случая, чтобы на шесть камер приходилось шесть заключенных: возблагодарим Господа за те маленькие радости, что видят от Него тюремщики. Обычно число смертников не превышало четырех, белых и черных (в «Холодной горе» для ходячих трупов сегрегации не существовало), но и этого нам хватало с лихвой. Однажды в блоке Е появилась женщина, Беверли Макколл. Черная, как туз пик, и прекрасная, как грех, совершить который у тебя никогда не хватит духу. Шесть лет она сносила побои мужа, а вот измены не пожелала терпеть и дня. И в тот же вечер (о проделках мужа Беверли узнала несколькими часами раньше) она подстерегла несчастного Лестера Макколла, которого друзья (и, видимо, любовница) звали Брадобрей, на верхней площадке лестницы, ведущей в их квартиру из его парикмахерской. Подождав, пока он начнет снимать пиджак, она выпустила его кишки в его же тапочки, воспользовавшись одной из бритв Брадоброя. За две ночи до встречи со Старой Замыкалкой Беверли Макколл вызвала меня в свою камеру и заявила, что во сне к ней явился дух ее африканского предка, который приказал ей отречься от

рабской фамилии и принять смерть под фамилией свободной — Матуоми. Вот она и потребовала, чтобы при зачтении смертного приговора ее называли не иначе как Беверли Матуоми. Как я догадался, африканский предок не успел дать ей другого имени или она не сумела его придумать. Я ответил: пожалуйста, нет вопросов. Годы службы научили меня никогда не отказывать смертникам, если только они не просили совсем уж невозможного. А в случае с Беверли Матуоми, как выяснилось на следующий день, мой ответ вообще не имел ни малейшего значения, потому что в три часа пополудни позвонил губернатор штата, чтобы сказать, что Беверли смертная казнь заменена на пожизненное заключение в женской тюрьме в Травяной Долине. И я, скажу вам, только порадовался, когда круглая попка Бев, миновав мой стол, продефилировала налево, а не направо.

Тридцать пять лет спустя, а может и того больше (но не меньше тридцати пяти, это уж точно), я наткнулся на ее фамилию в разделе некрологов, под фотографией худой чернокожей старушки с седыми волосами и в очках в роговой оправе. Последние десять лет Беверли прожила на свободе, говорилось в некрологе, практически в одиночку поддерживая на плаву библиотеку маленького городка Рейнс-Фоллз. Она также преподавала в воскресной школе и пользовалась в этом захолустье всеобщим уважением. Предварялся некролог заголовком «БИБЛИОТЕКАРЬ УМИРАЕТ ОТ СЕРДЕЧНОГО ПРИСТУПА». А ниже самым мелким шрифтом указывалось: «Отсидела двадцать лет в тюрьме за убийство». Глаза Беверли за стеклами очков остались прежними. Большие сверкающие глаза женщины, которая и в семьдесят лет не колеблясь полоснет опасной бритвой, если того потребуют обстоятельства. Убийцы узнаются сразу, даже если они заканчивают свой век библиотекарями в Богом забытых городках. По крайней мере узнаются теми, кто провел рядом с убийцами столько же лет, сколько я. И лишь один раз я задался вопросом: а в чем суть всей моей работы? Потому-то, наверное, я все это и пишу.

Широкий коридор между камерами блока Е покрывал линолеум цвета перезрелого лайма, отчего в «Холодной горе» его называли не Последней милей, как в других тюрьмах, а Зеленой. Тянулся он с юга на север, если мне не изменяет память, аж на